

ПРИТЯЖЕНИЕ

—так можно назвать постоянное внимание Николая Островского к творчеству и личности М. Горького

В ТОТ сентябрь, а было это ровно десять лет назад, несколько раз заходил в сочинский дом, стоящий неподалеку от шумного Курортного проспекта. В тихих, прохладных его комнатах жила память о большом, мужественном человеке — Николае Островском. В эти дни хотелось бывать здесь чаще; сочинцы — ветераны комсомола, партии, все, кто хоть однажды видел писателя при жизни, — дежурили по очереди в том сентябре в доме, встречая его многочисленных гостей. Слушая их простые рассказы (в блокноте остались короткие записи: «пришел по поручению горкома, Коля говорил бодро, энергично», «он все интересовался нашими комсомольскими делами и ругал, что рассказываем ему о них не подробно»), — всматриваясь в лица говорящих, уже пожилых людей, не очень старых, думалось, как все рядом. Нам кажется гражданская война такой далекой историей, но вот с тобой рядом стоят люди — ее участники. А Николаю Островскому было бы в те дни семьдесят лет, он мог бы еще жить и быть вместе с нами, рядом с этими людьми, слышавшими его и жавшими ему руку. Какая, в сущности, короткая у Николая Островского жизнь — 32 года, и какой героизм, она смогла вместить в себя.

Музеи могут многое рассказать о человеке, о его биографии, о разных событиях в судьбе, даже о внутренней жизни — мыслях, привязанностях, убеждениях. Но в те сентябрьские дни в доме Николая Островского не было ощущения музея. Был дом, где все жило памятью об Островском, и пожилые люди, его сверстники, говорили о нем убедительно и по-настоящему. С тех разговоров и потянулась для меня эта тема. Кто-то из встречавших гостей в те дни вспоминал, что Островскому читали по очереди — «он любил, когда читали из книг М. Горького или о нем».

Еще одно свидетельство люб-

ви писателя к Алексею Максимовичу можно было найти здесь же, в музее. В одной из экспозиций — пожелтевший номер газеты. В нем напечатан отклик Николая Островского на смерть М. Горького. Даже за скупыми телеграфными строчками, отправленными в Москву 18 июня 1936 года, последнего года жизни и самого Николая Островского, можно было прочесть человеческое волнение: «Потрясен до глубины души безвозвратной потерей. Нет больше Горького! Страшно подумать об этом. Еще вчера жил, мыслил, радовался с нами гигантским победам родной страны, которой отдал весь свой творческий гений. Какая ответственность ложится на советскую литературу сейчас, когда ушел из жизни ее организатор и вдохновитель».

Прощай, милый, родной, забываемый Алексей Максимович!

Эта телеграмма в каком-то смысле ставила точку в истории отношений двух людей — Николая Островского, молодого человека, писателя, героя Страны Советов, и Алексея Максимовича Горького. А что было до этого? Что связывало их и вызвало такое волнение в словах телеграммы Островского? Увы, музейная экспозиция молчала.

А история эта примечательная. Еще не будучи знаменитым писателем, еще когда только рождались главы книги о Корчагине, Николай Островский ждал поддержки и суда М. Горького. Это было ожидание мнения любимого писателя и товарища по борьбе. Вот как говорил об этой ожидаемой встрече Островский в письме своему товарищу: «Мне мой приятель, старый большевик, обещает возможность просмотра М. Горьким написанного мной... Хочу все, что у меня есть, представить на суд великому писателю».

Это ощущение какой-то своей общности с М. Горьким, рожденное занятием одним делом и борьбой — литерату-

рой, а вместе с тем понимание, что творчество М. Горького — это вершина художественной правды, что М. Горький — учитель, вожак, постоянно живет в Николае Островском. Вот он в первых же строчках письма Анне Караваевой (уже после опубликования романа «Как закалялась сталь») сообщает о своем волнении: «Сегодня хороший день: письмо от тебя и другое письмо, сообщающее, что на днях М. Горький опубликует статью о всех грехах твоего подшефного. Попадет мне на орехи... ведь я немало напутал в своей первой пробе руки. Признаюсь, я немного смущен: ведь великий мастер, особенно сейчас, награждает увесистыми ударами кое-кого из «оседлавших славу». Правда, я последнего не имею на своем счету, но все же отзыв Алексея Максимовича меня волнует». И следом, в следующей письмах другим адресатам: «Попадет на орехи — факт... немало напутал, а за это великий мастер припаяет как полагается. Немного волнуясь».

«Но послушать будет чего и поучиться также будет чему». Вот в этой последней фразе весь Островский, собравший все до последнего, все силы ради дела литературы и борьбы. Отзыв М. Горького — что ж, и он тоже должен служить делу, учебе.

Колоссальное умение дисциплинировать себя видно и здесь, на отношении Островского к М. Горькому. В дни, когда развивалась болезнь, когда мучительно вынашивались новые страницы новой книги, Островский вслушивается в М. Горького, ищет в нем советчика и мудрого наставника. Весной 1934 года развернулась полемика вокруг статьи М. Горького «О языке». В ней принял участие и Островский. Но характерно, что его отношение к горьковским высказываниям очень целенаправленное, четкое, действенное: «Я открываю первую книгу своей повести, вновь читаю знакомые строки, — и статья Горького, этого великого мастера сло-

весной живописи, открывает мне глаза; я вижу, где написано плохо, и ряд слов, ненужных и нарочитых, безжалостно зачеркиваю, и если повести суждено снова выйти в свет, то их уже в ней не будет».

Казалось бы, не было у М. Горького и Н. Островского личных встреч, не известны нам и письма их друг другу, и все же то, как тянулся Островский к горьковскому слову, — еще один точный и важный штрих к портрету этого героического человека. Его отзывчивость на правду, его умение без остатка подчинить себя борьбе, его просто юношеская любовь к мастеру, вожаку, писателю трогают и волнуют и сегодня. Он и здесь искренен и деятелен, и здесь любовь толкает его к поступку, к борьбе: «На сердце у меня глубокая грусть. Гибель Алексея Максимовича тяжело меня поранила. Я потерял покой и сон. Только смерть его сказала нам, каким добрым, каким родным был он для всех нас и как тяжела утрата. Осиротели мы без него. Я думаю о той ответственности, которая ложится на каждого из нас, молодых, только что вступающих в литературу писателей. Большая грусть у меня на сердце, не развеялась она еще. Лахути рассказывал мне позавчера, что когда он гостил в конце апреля у Алексея Максимовича, то Горький работал над статьей о романе «Как закалялась сталь». Каковы его мысли о книге, я не знаю. Литературное наследство хранит эту дорогую и нужную для меня статью».

Как бы сурово ни критиковал меня великий мастер, но это самый добрый и нужный для моего движения вперед документ... 1 июля 1936 года». 22 декабря Н. А. Островского не стало.

А. АСЕЕВСКИЙ.

НА СНИМКЕ: памятник Николаю Островскому в Сочи.

Фото В. СОБРОВИНА.

29 сентября исполняется 80 лет

со дня рождения Николая Островского.

Живой Корчагин

ФАКТЫ, ДАТЫ, ФРАГМЕНТЫ.

«НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ» — так называется новое, четвертое по счету издание книги, написанной его другом и женой, заслуженным деятелем культуры РСФСР Р. П. Островской. В юбилейном году биография переиздана в серии «Жизнь замечательных людей» издательством «Молодая гвардия». Впечатления близкого писателю человека, который вместе с ним прошел трудный, но счастливый путь, придают книге особый интерес.

СЕМЕН АДОЛЬФОВИЧ ТРЕГУБ (1907—1975 гг.) — литературный критик и литературовед — был другом Н. Островского.

Еще в 1939 году он выпустил первую биографию нашего героического современника, позднее переиздававшуюся в 1950 и 1954 годах.

Наиболее полное исследование жизни и творчества Н. Островского, написанное автором с большой любовью, вновь переиздается в текущем году. Издательство «Художественная литература» адресует новую книгу широким кругам читателя.

ПРИ ЖИЗНИ Н. Островского роман «Как закалялась сталь» был издан 41 раз, тиражом 1.000.200 тысяч экземпляров. Переведен был на английский, чешский, польский и японский языки.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ Н. Островского издавались свыше 700 раз общим тиражом более 50 миллионов экземпляров на 70 языках народов СССР и зарубежных стран.

ДОМ-МУЗЕЙ Н. А. Островского в г. Сочи организован в 1937 году по постановлению Совнаркома СССР. За эти годы его посетило около 3 миллионов человек. Одним из организаторов и бессменным директором музея была сестра писателя Екатерина Алексеевна Островская (1898—1965 гг.).

ЛЕТОМ 1936 года, после того как героический экипаж самолета АНТ-25 совершил беспосадочный перелет по маршруту Москва — Петропавловск-на-Камчатке — остров Удд и направился отдыхать в Сочи, Валерий Чакалов сказал своим товарищам: «Первое, что мы сделаем, приехав в Сочи, это пойдем вместе к Островскому, увидим живого Корчагина, побеседуем с ним».

МУЗЕЙ-КВАРТИРА Н. Островского в Москве был организован в 1940 году по постановлению Совнаркома РСФСР. С 1940 по 1963 гг. этот литературно-мемориальный музей возглавляла жена писателя Раиса Порфирьевна Островская.

ПЕРВЫЙ перевод книги «Как закалялась сталь» на болгарский язык был выполнен в 1936 году в Старо-Загорской тюрьме. Затем рукописный перевод романа переправлен в Славенскую тюрьму, где ее читали политзаключенные.

В г. ГОРЬКОМ имя Н. Островского носят улица в Сормовском районе (бывший поселок Кооперативный), библиотека, клуб, фабрика.

Щеточная фабрика имени Н. Островского в Советском районе г. Горького ранее называлась артелью. В ней работали люди с повреждениями зрения, слуха.

Публикацию подготовил
Л. КРАЙНОВ.